

Валентин БАЮКАНСКИЙ

г. Липецк

МАГИЧЕСКОЕ ПЕРЕПАДАЮЩИЕ СУДЕБ

Два гения, два безумца

Этих ярчайших поэтов-символистов связывало в жизни многое. Они были одногодками: родились в России в 1880 году, и их имена стали частью литературной жизни начала XX века. Оба выросли в профессорских семьях и обладали обширными литературными познаниями. Занимаясь поэзией, прозой, обратили на себя внимание и как критики и мемуаристы. Не только друзья, но и коллеги называли их гениями. Две незаурядные творческие личности, наделённые даром предощущения и предугадывания, жаждали общения и начали переписываться между собой раньше, чем увиделись. Их странная многолетняя переписка могла стать основой захватывающего романа, в котором было всё: и страстное обожание с признаниями в любви, и холодность, переходящая порой в плохо скрываемое раздражение.

Вначале их письма отличались влюблённостью и пылкими чувствами:

«...Будь уверен, что Ты – из близких мне на

свете людей – один из первых: очень близкий, таинственно и радостно близкий. Все эти дни я думаю о Тебе много и светло, с настоящей любовью и верой».

А через какое-то время наполнялись разочарованием и оскорблениями:

«...Спешу Вас уведомить, что, если бы нам суждено когда-нибудь встретиться (чего не дай Бог) и Вы первый подадите мне руку, я с Вами поздороваюсь. Если же Вы постараетесь сделать вид, что мы незнакомы, или уклониться от встречи со мной, это будет мне тем приятнее...»

К тому же оба неистово любили одну женщину, предоставив ей право выбрать лучшего, хотя она уже являлась женой одного из них. Даже инициалы этих неординарных людей схожи – «А.Б.». Это были Александр Блок и Андрей Белый (он же Борис Бугаев).

Их дружба по меркам обычного общения должна была быстро закончиться. Белый не раз клятвенно заверял Блока в любви, но затем яростно ругал его в газетных и журнальных статьях, поносил в среде общих знакомых. По-

том как ни в чём не бывало вновь признавался тому в дружбе и преданности. В свою очередь, Блок прощал коллегу и как блудного сына принимал в своё общение. Их отношения – прекрасный материал для солидной диссертации психиатра. Они вызвали друг друга на дуэль, после мирились, затем вновь наступало взаимное охлаждение.

Когда Александр Блок умер, Андрей Белый нёс его гроб. Он посвятил бывшему товарищу проникновенный некролог, выступал на вечерах памяти, называя почившего товарища народным поэтом. Однако через какое-то время – в который раз – принялся чернить Блока в мемуарно-автобиографических изданиях. Самое удивительное, что такие неординарные отношения распространялись не только на общение двух «заклятых друзей», но и касались всей семьи Блока.

Вообще-то, Борис Бугаев (Андрей Белый) не отличался злопамятностью. Просто был неизменно импульсивным, часто меняющим свои решения и приоритеты человеком. Литературный критик Георгий Адамович, говоря об Андрее Белом, отмечал: «Он на всё откликался, схватывал на лету любую мысль, бросал её, не успев додумать, переходил к чему-нибудь новому, оставляя и это – он весь раздираем был взаимно враждебными стремлениями и притяжениями».

Современники Андрея Белого часто воспринимали его «порхающим эльфом»: литератор-мистик «перелетал» от одного человека к другому. Он бойко насыщал свою речь специальными терминами, мудрствуя лукаво, обрушивал на собеседников непрерывные «словесные эскапады», отчаянно при этом жестикуюлируя, всем своим видом доказывая не только свою правоту, но и значимость произносимых слов.

Блок, наоборот, говорил мало и медленно. Его лицо, редко выражающее эмоции, казалось каменным. Тем не менее оба поэта создали в своём воображении образ Прекрасной Дамы – носительницы чистой непорочной Любви. Такой женщиной для них была дочь знаменитого химика Люба Менделеева – супруга Александра Блока. Однако Белый посчитал себя более «непорочным» и, соответственно, более достойным для союза с такой «неземной женщиной», чем законный супруг, и вознамерился её покорить.

Пытаясь обольстить Любовь Дмитриевну, Белый старался обворожить молодую женщину ди-

ковинными славословиями. Объясняясь в любви, неистово распалаял себя, представляя будущий союз с Любой как вершину неземного счастья. Он настойчиво и безмерно восхвалял её женское очарование и сетовал на скупость чувств мужа.

Надо сказать, мистико-эротические переживания, возникавшие в творческом воображении Белого, создавали поэтический образ Прекрасной Дамы в отношении всех женщин, в которых тот влюблялся. Правда, его реальные притязания к ним были гораздо скромнее, а иногда ограничивались минимальными желаниями.

Белый не хотел верить, что возлюбленные, которых он щедро обожествлял, кому писал возвышенно-поэтические письма и которых одаривал необычными комплиментами, поддавшись его обаянию, ожидали от него не только абстрактно-философских рассуждений, но и осязаемой плотской любви. Он злился на своих муз – Нину Петровскую и Любовь Менделееву, забывая при этом, что они были чужими жёнами и желали, чтобы он, как и другие мужчины, реально добивался их расположения. Такая постановка вопроса поэта раздражала, и всё его артистическое существо бунтовало против их прозы чувств и изменности мышления. Его раздражение было вполне объяснимым – он знал свою ахиллесову пята: на конкретные целенаправленные действия он был мало способен, зато привычное славословие воспринималось целебным потоком, подпитывающим его душевную энергию и позволяющим ощущать воображаемое превосходство над грубой обыденностью, которую он презирал.

Ещё в 1901 году Андрей Белый написал стихотворение «Мои слова».

*Мои слова – жемчужный водомёт,
среди лунных снов, бесцельный,
но вспенённый, –
капризной птицы лёт,
туманом занесённый.*

*Мои мечты – вздыхающий обман,
ледник застывших слёз, зарёй горящий, –
безумный великан,
на карликов свистящий.*

*Моя любовь – призывно-грустный звон,
что зазвучит и улетит куда-то, –
неясно-милый сон,
уж виданный когда-то.*

Белый щедро наделял понравившихся ему женщин всевозможными достоинствами и превозносил не только жену Блока, но и его мать, Александру Андреевну Кублицкую-Пиоттх.

Белый не замечал, что та страшно ревновала невестку к сыну и настоящей любви к ней не испытывала, зато в присутствии своего Сашу заявляла: «Люба удивительная, Люба мудрая, Люба единственная».

В одном из писем, адресованных матери Блока, Белый писал:

«Многоуважаемая и дорогая Александра Андреевна, так ясно, так отчётливо Вас вижу. Хочется настойчиво с Вами говорить в эти дни. Почему? Хочется иметь о Вас известия. Вы мне очень дороги. Мне кажется, что я Вас знал всю жизнь».

И получал от неё пламенные ответы.

«...В Вас моё Спасение, вся моя надежда и неизреченная Радость. Люблю Вас, сколько могу, как Сашу. (Может быть, и не так.)

Преданная Вам всей душой А. Кублицкая».

Не менее патетические письма Белый отправлял и Блоку: «За что мне такое счастье, что есть у меня такой брат и такая сестра?», а сам в это время был снедаем необузданной страстью к Любови Дмитриевне. Несмотря на то что любовные треугольники в поэтической среде того времени были не редкость, этого не случилось, хотя всё к тому шло. Белый активно ухаживал за молодой женщиной, объяснился ей в любви, и наступил момент, когда Любовь Дмитриевна была готова уступить новоявленному поклоннику. Она колебалась в выборе между Блоком и Белым и уклонялась от принятия решения. Однако Любовь Дмитриевна всё-таки решила прекратить возникшие отношения с Белым и попросила его к ней больше не приезжать. Для него это стало полной неожиданностью – он никак не мог в это поверить.

8 августа 1906 года он написал письмо Александре Андреевне, в котором жаловался на свою судьбу:

«Сейчас у нас был разговор с Любой. Люба сказала, что нам нельзя видаться. Я этого не могу. Я не могу не видеть Любу. Всё равно я увижусь с ней: в Петербурге, в других городах, за границей – всё равно. Меня не будут принимать, а я буду, всю жизнь буду приходить туда, где Люба. Я пережил ужасы. Я реально пережил всё, что переживают самоубийцы и убийцы. Я сначала хотел убить себя, потом Любу, потом Сашу. Демонизм во мне рос, всё рос. Сейчас со мной что-то невероятное: я увидел неправду всего этого. Неправ-

ду самоубийства (я люблю Себя) и неправду убийства (я люблю Сашу, я безумно люблю Любу). Мне остаётся позор унижения. Милая Александра Андреевна, унижайте меня, пусть меня унижает Саша, пусть меня унижает Люба, – а я буду приходить туда, где Люба. Я подвергнусь «всем распятым, всем цепям». Может быть, позор унижения вернёт мне Христа, Любу, всех вас, которых я люблю. Прогоняйте меня, не принимайте меня – я Ваша собака, готовая подвергнуться хлысту. Я хочу позором и страданием вернуть себе душу: одного я НЕ МОГУ – быть вдали от Любы.

Вместе с тем, клянусь, я готов быть братом Любы – она не верит: она убедится в этом.

Целую Вас.

Ваш несчастный
Боря».

При этом Белый негодовал и жаловался на свою возлюбленную всякому встречному, считая, что Блок оказывает на супругу давление, не имея на то морального права. Любовь Дмитриевна такая бестактность Белого раздражала, и она демонстративно стала отдаляться от столь настойчивого воздыхателя. В угаре самозабвенной страсти обиженный поэт попытался вызвать её мужа на дуэль, но в ходе мирного объяснения Блоки уговорили Белого отдохнуть за границей, и он скрепя сердце согласился. У Белого на нервной почве сделалось воспаление лимфатических желёз, и его оперировали, о чём он часто всем рассказывал.

Поссорился Белый и с Александрой Андреевной. Её слова показались ему «не горними», а её поступки – «не орлиными», на что Кублицкая-Пиоттх ответила Белому:

«Вы пишете: «Я хочу только горних слов и орлиных поступков – знайте, Александра Андреевна. На всё прочее я начинаю стонать и внутренне кричать от боли». Я, Боря, не могу всегда ручаться за орлиность своих поступков и слов, хотя очень умею любить орлиное, очень умею и ненавидеть змеиное (ехиднино). Но между орлиным и змеиным есть человеческое, и это последнее мне свойственно в высшей степени. Думаю, что не совершила ничего низкого и злого. Верю в это».

Однако после примирения с Блоками Кублицкая-Пиоттх вернула ему своё расположение.

В предисловии к изданной переписке Андрея Белого и Александра Блока с 1903 по 1919 год А.В. Лавров отмечал:

«Линия взаимоотношений Белого с Кублиц-

кой-Пиоттух принципиально не отличается от той, которая прослеживается в его отношениях с Блоком: сначала – взаимопонимание и единичность, временами приобретающие едва ли не идиллический характер, затем – остродраматические коллизии, в которых личные мотивы и «идейное», «эзотерическое» переплетены самым причудливым и нерасторжимым образом; в итоге – преодоление драматизма и новое сближение, основанное на взаимном уважении, доброжелательности, близости важнейших жизненных принципов, но уже без прежней напряжённой духовной близости».

Несмотря на такие метаморфозы в отношениях между Блоками и Белым, Любовь Дмитриевна писала: «Все мы ему верили, глубоко его уважали и считались с ним, он был свой».

Будучи своим, Белый всё-таки обижался на тех возлюбленных, кто не захотел его понять и принять его веру и мировоззрение. За несколько лет до смерти Андрей Белый попросил русскую писательницу Нину Николаевну Берберову: «Будете писать мою биографию, запомните: у Андрея Белого не было ни одной женщины, достойной его. Он получал от всех одни пощёчины».

Блуждали в дебрях подсознания

В среде литераторов Серебряного века, наполненной «воздухом символизма», речи, насыщенные всевозможной религиозно-мистической и поэтической заумью, воспринимались с благоговейным вниманием и восторгом. О том, что Андрей Белый производил на окружающих сильное впечатление, отмечали многие современники поэта. По словам Марины Цветаевой, «его смотрели как спектакль». В талантливом поэте и ораторе одновременно уживались юродство, эксцентричность, страшная одарённость и введливость к изучению различных наук и огромный литературный талант. Многих коллег Белого настораживала его странная двойственность: в нём одновременно жило несколько личностей. В своих мемуарах Борис Бугаев иронически подтверждал это раздвоение: «...Появляются оспаривающие друг друга «Белые» – в Белом; компания их: мистик, кантианец, поэт, стиховед, оккультист, скептик, индивидуалист, коллективист, анархист и социалист – таким выгляжу я извне...»

Общавшийся с Белым Николай Валентинов (он же Вольский) в своей книге «Два года с символистами» пишет:

«...Моя жена после нескольких встреч с ним пришла, что он «блаженный». Были люди (и мужчины, и женщины), влюбленные в Белого: они говорили, что «вспыхивает свет», когда появляется Белый с его лазурными глазами, сияющей обаятельной улыбкой, и что всё, что он говорит, интересно и значительно...»

Сплетение юродства с серьёзностью в личности Андрея Белого удивляло и Георгия Адамовича. А что говорить о матери Блока, которая во всём видела тайные мистические причины. Подобно Белому, она воспринимала нереальный мир гораздо серьёзней реального. Пытаясь постичь суть вещей и тайны мироздания, Александра Андреевна и Белый увлечённо изучали различные религиозные учения. Пытаясь найти Истину, они охотно блуждали в таинственных дебрях собственного подсознания.

В начале XX века в среде русской творческой интеллигенции (особенно среди символистов) витал мистический психоз. Люди открывались друг другу с самых неожиданных сторон. В своих воспоминаниях Николай Валентинов упоминает слух о чёрном профиле Белого, который распространял в 1907 году теоретик символизма Эллис (он же Лев Кобылинский). «Однажды, – рассказывал Валентинову Белый, – Эллис уселся над книгою, поджидая меня; вдруг ему показалось, что в полукруглую дверь шмыгнул чёрный контур (мой чёрный контур), и перепуганный Эллис убежал быстро (все в доме спали), забыв закрыть дверь». И Эллис, и Белый стали на полном серьёзе размышлять, что может означать появление такого чёрного профиля. В свою очередь Андрей Белый уверял Александра Блока, что видит ауру людей, и удивлялся тому, что его коллега и «брат» её не видит.

В своих письмах Белый восторженно рассказывал Блоку об основоположнике антропософии австрийском докторе философии Рудольфе Штейнере. Путешествуя по Европе, Белый стал посещать лекции этого модного эзотерика и оккультиста, считая его великим ясновидящим и своим Учителем. В Эзотерической школе Штейнера Белый делал потрясающие успехи: ему удавалось выходить в астрал даже в бодрствующем состоянии.

Вспоминая о своём Учителе, Белый писал: «...Мало чем могу я гордиться: ряды окаяств моих вижу я с трезвостью; но в любви к родине и в любви к доктору Штейнеру может быть и всё оправданье мое». Через несколько лет Белый покинул своего обожаемого Учителя, испытав страшную обиду. Поэт посчитал, что Штейнер от него отказался.

Всплеск всевозможных мистических течений, поиск новых путей, направленных на приобретение настоящего Знания, позволяющего обрести долгожданную свободу личности, был несчастливым. Засилье мистики подогревалось среди символистов ощущением надвигавшихся катаклизмов. И Блок, и Белый, и многие их друзья с восторгом ожидали приближения великой свободы и революции, надеясь, что окружающий мир изменится кардинальным образом. Оба поэта верили, что «неслыханные перемены, невиданные мятежи» явятся возмездием за вековые преступления власти и несправие народа.

Талант Блока был широко использован большевиками, однако в 1919 году они обвинили его в левоэсеровском заговоре и продержали три дня в тюрьме. После вмешательства Луначарского поэта выпустили на свободу. Новый строй обнажил неприглядные стороны насильственного изменения привычного уклада жизни и ломки человеческого сознания. Блок по-новому осознал происходящее и уже в 1920 году с горечью написал в дневнике: «...Под игом насилия человеческая совесть умолкает; тогда человек замыкается в старом; чем наглей насилие, тем прочнее замыкается человек в старом. Так случилось с Европой под игом войны, с Россией – ныне».

К концу жизни и Блок, и Белый оказались в глубокой депрессии и творческом кризисе. Если раньше, во время и после окончания «Двенадцати», Блок несколько дней ощущал физически и слышал «большой шум вокруг – шум слитный» (вероятно, шум «от крушения старого мира»), то впоследствии его мировосприятие изменилось. Исчез интерес к творчеству, без которого поэт не мог представить своего существования. Блок заявил: «Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?» Он рассказал своему биографу Владимиру Пясту о том, что разучился «говорить» – то есть говорить о самом главном и наиболее единственно важном. Свою поэму «Двенадцать» Блок хотел сжечь, считая, что она завершает его творческий и жизненный путь.

Словно предчувствуя свои последние годы, Андрей Белый ещё в 1909 году написал пророческие строки, которые вполне можно отнести и к его другу-сопернику Александру Блоку.

*Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.*

Во власти химер

Хотя Блок и Белый обладали совершенно разными характерами и их общение отличалось «зигзагообразными» взаимоотношениями, тем не менее поэтов сближала общность взглядов на отдельные литературные явления и понятия. К тому же, будучи яркими творческими личностями, Блок и Белый испытывали неподдельное уважение к поэтическому дару друг друга. Однако окружающие не понимали, что позволяет им долгие годы сохранять взаимный интерес.

Вспоминая о Блоке, Зинаида Гиппиус писала: «Трудно представить себе два существа более противоположные, нежели Боря Бугаев и Блок. Их различие было до грубости ярко, кидалось в глаза; тайное сходство, нить, связывающая их, не так легко угадывалась и не очень поддавалась определению».

Одной из невидимых нитей, связывающих двух поэтов, были необычайно эмоциональные сновидения, большая часть которых с юных лет вызывала у них животный страх и ужас. По мнению той же Гиппиус, «над обоими властвовал рок». Для обывателей Блок и Белый казались людьми «ненормальными». По словам Ходасевича, Белый «жил в некоей фантазмагории». Мало кто знал, что мрачные пугающие сны их тяготили, подавляя волю к жизни, и в то же время настойчиво заставляли анализировать собственное Я, чтобы найти пути к душевному спокойствию.

В детстве Саша Блок был нервным ребёнком. Безотчётные страхи, которым он был подвержен с малых лет, сопровождали поэта всю жизнь. Уже будучи женатым, Блок в 1904 году писал Белому: «Среди бела дня снился мне кошмар об опрокинутых кадках и девушке с карликом. Но вдруг я слушаю, смотрю: кругом гам, шум, трескотня, лучшие гаснут или тлеют, по многим квартирам прошла тень дряхлости, погас огонёк, бежавший по шнуру, готовый, казалось, зажечь тысячи свечей. И темно. Прежних лиц я уже не вижу, страх перед ними отошёл в милую память о собственной юности.

Больше некого бояться. И люди уже не страшны. Зато («в предвестие, иль в помощь, иль в награду») возвращается древняя и бурно-юная боязнь стихий – изнутри и извне».

Подобно Блоку, Белый также получил в детстве психологическую травму. Будучи взрослым, он графически изобразил свою линию жизни с пояснениями. По мнению литературоведа Моники Спивак, в этой линии жизни

«...загадочно самое начало: толчком к пробуждению сознания стал детский кошмар, именно так начался путь от сказки к прозе, из мира мифологического – к прозе жизни. Это кошмар, который сопровождает вхождение духовного существа в физическое тело».

В своей работе «Андрей Белый, семь его возлюбленных и одна мать» Моника Спивак отмечает: «Д. Бугаева препятствовала преждевременному развитию ребёнка, не хотела, чтобы сын пошёл по стопам отца, не хотела, чтобы он стал «вторым математиком». По этой причине маленькому Боре Бугаеву не только долго запрещали учиться, но и моделировали ему своеобразный внешний облик – девический: отращивали длинные волосы, закрывающие лоб, и вплоть до сознательного возраста наряжали в девичье платье: «...в гимназии я прослыл «дурачком»; для домашних же был я «Котёнком» – хорошеньким мальчиком... в платьеце...» (КЛ. 118)

В своей переписке с Блоком Белый тоже делится с ним сокровенными переживаниями: «Каждого человека с рождения до смерти сопровождает его музыкальная тема. В мою тему входит один мотив ужаса, который я должен преодолеть, иначе он погубит меня. Детство моё выросло из ужаса. Когда я ещё не познавал себя, я уже сознавал, помнил свои сны. Это всё были химеры. Помню два сна. Они определили мелодию ужаса, всю жизнь преследовавшего меня». В другом письме он жаловался Блоку: «Саша, брат милый. Опять я в страхе. Но страх пройдёт. Опять у Мережковских пугался, когда был Бердяев. Но это ничего, ничего. Я во сне. Нервы у меня пошатнулись: мне трудно. Прости мой опустошённый вид, пустые слова мои. Они не от меня, а от нервности».

Подобные сны видела и мать Блока – Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух. Она писала Белому: «Становятся страшными и отвратительными сны. Ночью во сне кричу: «Спасите!»

Всевозможные ужасы в образах диких зверей и змей часто преследовали Белого. Он писал: «...Начиналось кишенье змеевых, свивавшихся масс; по ночам просыпался я в страхе; казалось: ползут на меня – обвивают и душат; раз видел я сон, что вбегаю в квадратную комнату, принадлежащую мне; над постелью моей развился толстотелый удав; уронив на подушку мордастую голову, смотрит он пристально малыми глазами; знаю, что должен я лечь на постель, положить свою голову рядом с мордастым удавом и

выдержать то, что отсюда возникнет. Я понял, проснувшись: удав – мои страсти...»

Разочарование в идеалистическом верховенстве искусства и в окружающих людях окончательно сломало психику Александра Блока. Начавшийся 1921 год, ставший для поэта последним, ознаменовался сильной физической и душевной усталостью. 28 января он написал в своём дневнике: «Всю ночь – чёрные сны, а также – очень грозные полусны, полуявь».

Запись от 25 мая красноречиво свидетельствует об угнетённом состоянии Блока: «Наша скудная и мрачная жизнь в первые пять месяцев: отношения Любы и мамы». И там же: «Болезнь моя росла, усталость и тоска загрызали, в нашей квартире я только молчал».

Семейные разборки, стычки с коллегами по литературному цеху, сильные физические недомогания, утрата желания заниматься поэзией усиливали депрессию Блока. Он тяжело заболел. Его супруга Любовь Дмитриевна так описывает его состояние: «Мрачность, пессимизм, нежелание – глубокое – улучшения и страшная раздражительность, отвращение ко всему – к стенам, картинам, вещам, ко мне. Раз как-то утром он встал и не ложился опять, сидел в кресле у круглого столика, около печки. Я уговаривала его опять лечь, говорила, что ноги отекут, – он страшно раздражался, с ужасом и слезами: «Да что ты с пустяками! Что ноги, когда мне сны страшные снятся, видения страшные, если начинаю засыпать...» При этом он хватал со стола и бросал на пол всё, что там было, в том числе большую голубую кустарную вазу, которую я ему подарила и которую он прежде любил, и своё маленькое карманное зеркало, в которое он всегда смотрелся, когда брился и когда на ночь мазал губы помадой (белой) или лицо – борным вазелином. Зеркало разбилось вдребезги. Это было ещё в мае; я не смогла выгнать из сердца ужас, который так и остался, притаившись на дне, от этого им самим нарочно разбитого зеркала. Я про него никому не сказала, сама тщательно всё вымела и выбросила».

Многие друзья и коллеги Блока отмечали, что он, как истинный поэт, находясь в этом мире, должен был непременно страдать.

После кончины мужа Любовь Дмитриевна написала книгу «И была и небылицы о Блоке и о себе». «Я нахожу в себе вещи, – писала она, – которые ему нравились бы, которые он хвалил бы, которые ему иногда могли бы служить опорой, так как в них есть твёрдость моего основного ка-

чества – неизбывный оптимизм. А оптимизм как раз то, чего так не хватало Блоку! Да, в жизни я, как могла, стремилась оптимизмом своим рассеивать мраки, которым с каким-то ожесточением так охотно он отдавался».

Позицию безысходного страдания поэта-творца разделял и сам Блок, хотя в душе надеялся приобрести долгожданное умиротворение. Иногда, как надежда на лучшее, его посещали светлые вдохновляющие сны. «16 ноября мне приснилось нечто, чем я живу до сих пор. Такие изумительные сны бывают раз в год-два года», – написал Блок писателю Евгению Иванову.

Однако непрерывная внутренняя борьба между светлым и тёмным в душе поэта закончилась поражением: Блок умирал тяжело, мучимый страшными сновидениями. Как тут не вспомнить его слова: «Драма моего мирозерцания (до трагедии я не дорос) состоит в том, что я – лирик. Быть лириком – жутко и весело. За жутью и весельем таится бездна, куда можно полететь – и ничего не останется. Веселье и жуть – сонное покрывало. Если бы я не носил на глазах этого сонного покрывала, не был руководим Неведомо Страшным, от которого меня бережёт только моя душа, – я не написал бы ни одного стихотворения из тех, которым Вы придавали значение».

Ещё в 1905 году Андрей Белый написал: «Есть люди, не выдавшие глубин. Ни добрые, ни злые, они проходят в жизни невоплощённые. Как тра-

ва всходят, как трава пропадают прахом. Вместо души у них пар. Только тот, кто увидел глубины, достоин того, чтоб ужасаться: но тот, кто ужаснулся, должен сойти в чёрный Тартар и там побороть трёхголового Цербера – эту вечную Химеру, стерегущую выход к вечной свободе».

Анализируя полные парадоксов поступки, которые совершали Александр Блок и Андрей Белый, можно предположить, что они до последних дней вели непримиримый поединок с этим чудовищем, но так и не смогли его одолеть.

Так, в мучениях, с отчаянным чувством неисполненности многих важных вещей и своего предопределения, скончались два великих поэта-мистика, говорящие с людьми из четвёртого измерения. Они всю жизнь тянулись друг к другу и одновременно друг друга раздражали. Такими они вошли в историю: два гения, два безумца.

□

Валентин Анатольевич БАЮКАНСКИЙ –

прозаик, публицист.

Родился 2 июня 1959 года в г. Липецке.

Член Союза российских писателей,

член Международной ассоциации писателей и публицистов МАПП.

Действительный член Международной академии русской словесности.

Лауреат литературного международного конкурса

«Балтийский Гамаюн» (Литва) в номинации «Публицистика»

за очерк «Семь смертям не бывать – одной не миновать».

Лауреат областной премии им. Е.И. Замятина.

Награжден медалью «Во славу Липецкой области».

В журнале «Север» публикуется впервые.

